

Если бы время можно было повернуть вспять, Вань Цзиньцзянь, не задумываясь, остался бы дома — обнимать Цзиньгуя и мирно смотреть телевизор. Всё лучше, чем сидеть сейчас в обезьяннике за решёткой и тоскливо наблюдать, как дежурный полицейский уплетает растворимую лапшу.

Самому Цзиньцзяню-то было безразлично, он перед этим знатно перекусил в компьютерном клубе. А вот его спутники исходили слюной — звуки голодного глотания раздавались один громче другого.

Комнату заполнил густой, дразнящий пар с отчётливым ароматом тушёной говядины.

«Сквозь прутья решётки взираю на стол, но лапши ароматной удел не со мной»

— Так, — дежурный полицейский приоткрыл пластиковую крышку, впуская в комнату новую волну густого сытного запаха. — Выкладывайте, что стряслось?

С этими словами он невозмутимо опустил в миску маринованное яйцо и добавил туда же сочную сосиску. Королевский набор. Не хватало только запотевшего стакана ледяной колы.

Чжан Цюкай злобно зыркнул на Вань Цзиньцзяня и решил пойти с козырей. Ткнув пальцем в сторону обидчика, он выпалил:

— Он у меня девчонку увёл!

Вань Цзиньцзянь аж поперхнулся от такого наглого навета. Сам пальцем не пошевелил, а всех собак вешают на него!

— Наглый поклёп! — по классике начал он оправдываться, а затем картинно вздохнул: — Ваша правда, офицер, я невиновен. Это его пассия пала жертвой моей неземной красоты и сама указала ему на дверь.

Для пущей убедительности Цзиньцзянь состроил самую жалобную и беззащитную мину, на какую только был способен, и добавил:

— Да я эту девицу в глаза не видел! Как я мог её увести?

— Да ты бредишь! — сорвался на крик Чжан Цюкай. — Если бы ты не пиарил свои фотки на школьном форуме, Го-го никогда бы меня не бросила!

При упоминании Чан Го парень внезапно шмыгнул носом, голос его предательски дрогнул. Мужские слёзы — вещь редкая, но в юности любовь кажется центром вселенной. Стоит чувствам дать трещину, как весь мир рушится. А когда рушится мир, какая уж тут гордость?

— Хорош тут святошу из себя строить! — подал голос Цао Гэнвэй. — Кто первый кулаками махать начал? Не ты ли?

— А вы посмотрите, во что они меня превратили! — огрызнулся Чжан Цюкай, указывая на свои синяки.

— Совесть у тебя есть вообще? — зло выплюнул Сун Ян, утирая сочащуюся из уголка губы кровь.

— А у вас? — Чжан Цюкай мгновенно растерял всю жалость к себе и перешёл в контратаку: — Посмотрел бы я на вас, если бы ваша девчонка к другому сбежала! Небось тоже не сидели бы сложа руки!

Слово за слово, и в обычно унылом отделении полиции сделалось шумно, как на базаре.

Дежурный полицейский, Сяо Чжан, не выдержал этого балагана и с силой хлопнул ладонью по столу.

— А ну тихо! Рты закрыли! — прикрикнул он, после чего сделал солидный глоток ароматного бульона.

Затем, вздохнув, он завёл привычную шарманку:

— И из-за такой ерунды вы тут цирк устроили?

Коп был окончательно сбит с толку этой оравой старшекласников. Вечером от информатора поступила наводка на подпольный притон в этом районе. Опергруппа выехала брать штурмом гнездо порока, а в итоге накрыла банду сопливых малолеток, устроивших махач из-за какой-то чепухи. Парням от силы лет по шестнадцать-семнадцать, несовершеннолетние, а уже умудрились закрутить любовный треугольник с мордобоем.

У Сяо Чжана уже голова пухла от их препирательств. «Если уж мне не повезло взять наркопритон, пусть меня накажут по уставу, — обречённо подумал он. — Но за что мне это наказание — слушать нытьё малолетних оболтусов об их делах сердечных?»

— Пишите объяснительные, — скомандовал полицейский. — Накатаете чистосердечное раскаяние — и валите по домам. И чтобы больше не шныряли по ночам! Представляете, как там родители с ума сходят?

Главным неудачником этого вечера по праву мог считаться Чжао Хаочэн. Вышел человек в магазин за бытовыми мелочами, на свою беду пересёкся с Вань Цзиньцянем — и вот, пожалуйста, полный комплект приключений на пятую точку. Локти кусать готов был с досады.

Он сидел в стороне на стуле, разительно отличаясь от остальных: застыл неподвижно, безмолвно, словно изваяние.

Устав от бесконечного гвалта, Хаочэн снял очки и устало потёр переносицу.

Его одолевала изнуряющая усталость, к которой примешивалась глухая тревога из-за нерешённой домашней работы по математике. Сидя в душном КПЗ, он мог лишь сквозь решётку окна созерцать огни сияющего мегаполиса — чужого, далёкого праздника жизни, к которому он не имел никакого отношения.

Чужая, абсолютно чуждая ему вселенная.

Вань Цзиньцянь скосил глаза в его сторону. Да уж, главный герой — он и в Африке главный герой. В любой передрыге держится молодцом, с невозмутимым видом умудрённого опытом босса.

Цзиньцянь невольно проникся к нему глубоким уважением.

Полицейский, придерживая миску с лапшой, сунул пачку чистых листов малолетним дебоширам.

— Живее строчите. Закончите — свободны. Ишь, моду взяли кулаками махать, лучше бы за учёбу взялись.

Парни послушно примостились у стены и принялись выводить каракули.

— Дай списать, а? — шёпотом взмолился Цао Гэнвэй, подталкивая приятеля локтем.

— Сам пиши, — буркнул в ответ Сун Ян.

Офицер из-за стола зорко прикрикнул:

— Разговоры в строю! Писать самостоятельно, от чистого сердца! Чтобы чувствовалось искреннее раскаяние и твёрдое намерение встать на путь исправления!

Вань Цзиньцянь пристроился рядом с Чжао Хаочэном.

[Уровень удовлетворения главного героя снижен. С баланса Хозяина списано 500 юаней]

«Да твою же дивизию! Издеваетесь?!» — взвыл про себя Цзиньцянь. Весь день как на американских горках. Стоит этому парню взгрустнуть, как у него летят кровные денежки!

— Слышь, Чжао Житянь, — ласково, с неприкрытой лестью в голосе зашептал Цзиньцянь, — может, я за тебя объяснительную накатаю?

[Внимание! Опасность критического отклонения от характера персонажа! Настоятельно рекомендуем обдумать свои действия!]

«И как прикажете выживать в таких условиях?!» — Цзиньцянь едва не взвыл вслух. Если главный герой недоволен — списывают деньги, если пытаешься ему помочь — грозят карой за ООС!

— Сам справлюсь, — холодно отрезал Чжао Хаочэн.

Он резко чиркнул ручкой по бумаге и с невероятной скоростью, практически без пауз, выдал образцовое сочинение на восемьсот слов. Поставив жирную точку, он поднялся:

— Готово. Могу я идти?

Под ошеломлёнными взглядами товарищей по несчастью Хаочэн первым покинул «казематы», словно озарённый нимбом триумфатора.

«Ну и ладно, больно надо» — мысленно фыркнул Вань Цзиньцянь. Утерев виртуальный нос, он рьяно взялся за бумагу. В конце концов, писать покаянные письма ему было не привыкать. Да и уступать этому выскочке в негласном поединке не хотелось.

Скрипя пером, Цзиньцянь за считанные минуты управился с заданием и вторым протиснулся сквозь заветную решётку.

— Брат Вань! — взмолился из-за прутьев Цао Гэнвэй, глядя на него глазами побитого спаниеля. — Неужели ты бросишь нас здесь?

Сун Ян всем своим видом выражал ту же немую мольбу.

— Ребят, я бы рад... — Цзиньцянь покосился на экран телефона. Время близилось к десяти ночи. Он осторожно коснулся саднящего синяка под глазом. — Но меня мама дома ждёт. Так что давайте сами, мужики. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Жмите на газ, я в вас верю!

Дабы не прослыть законченным эгоистом, Цзиньцянь заглянул в круглосуточный супермаркет по соседству и купил целую гору снеков. Вернувшись, он просунул угощение сквозь решётку, разом заткнув рты своим прихвостням. Проявив благородство и заботу о межшкольной дипломатии между Третьей и Второй школами, он выделил долю и компании Чжан Цюкая.

Путь к миру лежал через желудок. Каким бы гордым ни был Чжан Цюкай, против предательского урчания в животе аргументов у него не нашлось.

Выйдя наконец на свежий воздух, Вань Цзиньцянь почувствовал, как всё тело отозвалось ноющей болью, словно его нещадно отлупили палками. Возвращаться домой в таком потрёпанном виде было нельзя — попадись он на глаза матери, Гуань Юйинь, без скандала не обойтись.

Поразмыслив, он побрёл куда глаза глядят и сам не заметил, как ноги привели его к воротам Третьей школы.

Немного помявшись у входа, он всё же решился войти на территорию.

В выходной день школа притихла, напоминая заброшенный погост. Лишь сиротливые шеренги фонарей тускло освещали пустынные аллеи.

Ночной ветерок принёс долгожданную прохладу — конец июля выдался невыносимо знойным. От одежды Вань Цзиньцянь сильно разило дешёвой быстрорастворимой лапшой, причём этот въедливый запах отдавал чем-то средним между химической говядиной и ядрёным бульоном для хого.

Ходячая приправа к китайскому самовару, ни дать ни взять.

Он неторопливо вышагивал по асфальту, как вдруг заприметил впереди знакомый силуэт.

— Эй, Чжао Житянь! — крикнул он и припустил следом.

Чжао Хаочэн шёл из участка, мерно покачивая шуршащим пакетом со своими нехитрыми покупками. Эта дорога к общежитию была знакома ему до последнего камушка. Каждую субботу, когда разъезжались все одноклассники, он оставался здесь один, словно бессменный часовой, охраняющий покой пустеющих стен.

Поначалу одиночество угнетало, но со временем он пообвыкся.

Сам по себе пришёл, сам по себе ушёл.

Тонкий пластик мерно шуршал, задевая штанину при каждом шаге.

Услышав оклик, Хаочэн обернулся и замер на месте, ожидая приближения Цзиньцяня. Тот нёсся к нему размашистым шагом, то и дело пересекая жёлтые круги света, отбрасываемые фонарями на тёмный асфальт.

— Какая встреча! — выдохнул Цзиньцзянь, восстанавливая дыхание. — Слушай, я сегодня тоже в общежитии заночую.

С широкой ухмылкой он панибратски закинул руку на плечо Хаочэна. К удивлению, тот даже не попытался отстраниться, лишь глуповато замер, позволяя вешать на себя чужую конечность.

Картина со стороны выглядела уморительно. Вань Цзиньцзянь со своими честными метр семьдесят пять едва дотягивал до плеча долговязого Хаочэна, чей рост перевалил за метр восемьдесят девять. Из-за такой разницы Цзиньцзянь напоминал вертлявую мартышку, взгромоздившуюся на вековую оливу.

Так они и брели бок о бок в полном молчании. Никто не решался заговорить — слишком уж непривычной была эта хрупкая близость, рождающая лёгкую неловкость. Что ж, безмолвие стало их негласным Кембриджем, а тишина — единственным верным ответом на двоих.

Добравшись до комнаты, Цзиньцзянь сбросил кроссовки и без сил рухнул на кровать, уставившись в дощатое днище верхнего яруса.

Денёк выдался на редкость изматывающим. Лёжа на жёстком матрасе, он принялся подсчитывать баланс: чистая прибыль составила всего пятьсот юаней. А ведь мог поднять косарь, не меньше!

Он нащупал в кармане телефон и открыл чат, заваленный пропущенными уведомлениями.

[Брат Цао самый красивый]: «Только закончил писать. Пальцы отваливаются».

[Ян-цзай твой папаша]: «А я всё ещё торчу здесь! Да Цао меня кинул, гад!»

К сообщению прилагалась размытая фотография решётки обезьянника. На заднем плане было видно, что Чжан Цюкай уже засунул гордость куда подальше и вовсю уплетал подогнанные Цзиньцзянем чипсы.

Следом шли сообщения от матери:

[Её Величество Матушка]: «Сынок, ты сегодня дома не ночуешь?» (Отправлено в 19:30).

[Её Величество Матушка]: «Смотри только, на лавке в парке не усни». (Отправлено в 20:40).

[Её Величество Матушка]: «Сына, ты там живой вообще? Подай голос матери, я волнуюсь! плачущий смайлик» (Отправлено в 22:10).

Картина идеальной материнской заботы растрогала бы любого, но Цзиньцянь лишь озадаченно почесал затылок, соображая, что ответить.

[Ваньвань мэй сян дао]: «Я в общаге. собачья морда»

Цао Гэнвею и Сун Яну он отвечать не стал — много чести.

Валяясь на кровати, он лениво наблюдал за Чжао Хаочэном. Тот сосредоточенно раскладывал свои нехитрые покупки, порхая по комнате, точно прилежная пчела. Его дотошная суета почему-то вызвала у Цзиньцяня стойкую ассоциацию с покойной бабушкой.

Ещё с момента их первого знакомства в сети Цзиньцянь уловил в главном герое этот едва заметный шлейф консерватизма. Весь его облик так и веял духом партработника старой закалки: чопорный, упрямый, немногословный до холодности, исполненный чувства собственного достоинства, но в то же время обречённый на какое-то фаталистическое смирение.

«И неужели нынешним девчонкам нравятся такие зануды?»

В неярком свете потолочной лампы Цзиньцянь принялся с любопытством рассматривать соседа. Крупные черты лица, волевой разлёт густых бровей — классический типаж идеального зятя, от которого придут в неописуемый восторг все тётушки на семейном застолье. Примерный мальчик, за внешней молчаливостью которого угадывалась истинно царственная осанка.

Молчание — золото, это про него.

В профиль шестнадцатилетний парень выглядел на удивление возмужавшим: чётко очерченная линия челюсти, безупречный прямой нос, едва заметная складка у губ и задумчивый взгляд из-под строгих бровей.

Вылитый Роденовский «Мыслитель».

Хаочэн делал вид, что поглощён делами, но в душе его скребли кошки. С какого перепугу Вань Цзиньцянь решил заночевать в общежитии?

Привычный субботний покой, обычно принадлежавший ему одному, внезапно нарушило присутствие парня, который прежде только и делал, что отравлял ему жизнь.

Сейчас этот бузотёр затих, укрощённый, словно гладь Байкала в безветренную погоду. Но кто знает, какие черти водятся в тихом омуте его хитрой головы?

Почувствовав на себе пристальный, изучающий взгляд соседа, Хаочэн опустил голову ещё ниже, а его движения сделались нарочито медленными. Связываться с Цзиньцянем и навлекать на себя новые неприятности вовсе не хотелось.

Себе дорожке выйдет.

В Третьей школе общежития для разных параллелей стояли поодаль друг от друга. Корпус выпускников упрятали в самый дальний угол парка, дабы избавить будущих абитуриентов от лишнего шума. Это означало, что сейчас во всём огромном здании для десятиклассников не было ни единой души, кроме них двоих.

В этой звенящей тишине отчётливо слышался ритмичный стук капель конденсата, срывающихся с внешнего блока кондиционера за окном. В глубоком безмолвии ночи двое заклятых врагов вели незримую психологическую дуэль, и у каждого на уме было своё.

<http://bllate.org/book/20139/2132294>